

## **Купанье и бой Добрыни со Змеем и неудавшаяся женитьба Алеши П<оповича>**

А ишше прежде Резань да слободой слыла,  
А да и ноньче Резань да словоет городом.  
А да во той во Резане да было славном городе  
А да был-жил Микитушка — состарылса,  
Да состарилса Микитушка — представилса.  
А-й оставалась у Микиты да любима семья,  
А-й любимая семья его, молода жена,  
А да на имё Омельфа да Тимофеевна.  
А да ишше ле оставалось да чадо милоё,  
А-й да и милоё чадышко любимое,  
А да на имя Добрынюшка Микитич млад.  
А да ходил-де Добрынюшка на красно крыльцо  
И да смотрел-де Добрынюшка да во чисто полё —  
А да здумал он ехать да во чисто полё.  
А да пошол-де Добрынюшка во светлу грядню  
А ко своей он маменьки родимой:  
«А уж ты ой еси, маменька родимая!  
А уж дай ты мне благословленьцо великоё  
А со буйной головы да до резвых ног;  
А да и здумал я ехать во чисто полё —  
А посмотреть мне людей да ноньче добрых,  
А показать мне, Добрынюшки, самому сибя». —  
«А уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиц млад!  
А поежжай-ко, Добрынюшка, куда хочицсэ,  
А куда хочыцсэ, Добрынюшки, куда надобно.  
А да приедешь, Добрынюшка, к синю морю,  
А да и здумашь, Добрынюшка, купатисе —  
Э там одна струя тиха, заманьчивая,  
А да вторая струя быстра и относливая —  
А отнесёт тебя, Добрынюшку, на синё морё».  
А пошол-де Добрынюшка на конюшин двор,  
Э выводил коня да себе доброго,  
А-й седлал-де, уздал да скоро-наскоро,

А-й скоро-наскоро уздал да крепко-накрепко:  
А-й двенаццати подпрыжичок он шолковых,  
А-й да тринаццату подпругу через хребётную кость;  
А-й да седлал-де, уздал да приговаривал:  
«А-й да не ради он басы — дак ради крепости,  
Да и ради окрепы да боғатырское —  
А не оставил бы меня конь да на чистом поле,  
А-й на чистом-де поле да на сырой земле  
Да серым-де волкам да на ростарзанье,  
Роспроклятием вороньям да на поруганье!»  
А-й да садилса тут Добрынюшка на добра коня.  
А-й молода жена ноги в стремяна кладет,  
А-й да кладет она — да слезно плачицэ.  
А-й говорыл-де Добрынюшка таково слово:  
«А уж ты ой еси, моя да молода жена,  
А да по имени Апраксея-королевисьня!  
А уж ты жди меня домой дак ровно восемь лет,  
А ише жди меня домой дак ровно в десеть лет,  
А ише жди меня домой ровно в двенаццать лет.  
А да как выступит на лето как на тринаццато —  
А ты домой меня не жди, ты тогда живым не ч(и)тї,  
А хошь замуж ты поди, а хошь вдовой сиди;  
Хошь за князя ты поди да за боярына,  
А хошь за купца ты поди да за богатово,  
А хошь за кресьянина поди да за прожиточново,  
Хошь за сильнево-могучево богатыря;  
А не ходи ты за Олешеньку Поповича:  
А не люблю я ведь роду всё поповского,  
А да Олешенька Поповиц да мне крестовой брат!..»  
Ишше видели поезку да богатырскою  
Да увидели: во поле да курева стоит,  
Курева-де стоит, да дым столбом валит —  
Да уехал-де Добрынюш[к]а во чисто полё.  
А доехал-де Добрынюшка до синя моря,  
А да и здумал-де Добрынюшка купатисе.  
А да соскочил-де Добрынюшка со добра коня,  
А да роздел-де Добрынюшка платье цветноё,  
А привязал-де Добрынюшка к стремянам коню,  
А говорыл-де Добрынюшка такуво слово:

«А уж ты ой еси, конь мой, лошадь добрая!  
А да бежи-тко ты, конь, да во чисто полё,  
А да и ешь траву да ноньче шелковую,  
А да пей-ко воду всё ключёвою».

А да пошол-де Добрынюшка к синю морю,  
А да и поплыл Добрынюшка на синё морё.  
А да и перва-та струя была заманьцивая —  
А заманила тут Добрынюшку на синё морё.  
А-й втора-де струя быстра была относливая —  
А отнёсла-де Добрынюшку на синё морё,  
А заносила тут Добрынюшку по морским волнам.  
А надлетела тут Змея да востролютая,  
И говорила тут Змея да таково слово:

«А да сказали, мне от Добрынюшки смерть прыдет —  
А тепере я с Добрынюш[к]ой, што хочу, сделаю:  
А-й да хочу — Добрынюшку живком зглону;  
А я хочу-де — Добрынюшку нонь зараз убью!»

А проговорил-де Добрыня да таково слово:  
«А уж ты ой еси, Змея да востролютая!  
А да не честь тебе будёт да не похвала нонь:  
А на синём-де мори ты меня живком зглонешь,  
А на синём-де мори меня до смерти убьёшь, —  
А да вынеси меня да на сыру землю!  
А да тепере, ведь видишь, и наг плову,  
Да и нету у меня да коня доброго,  
Да и нету у меня да сабли востроей;  
А тогда, што хочешь, Змея, со мной ты делаешь».

А подлетела Змея ноньче к Добрынюшки,  
А схватила-де Добрынюшку в востры когти,  
А понёсла-де Добрынюшку на сыру землю,  
А да и вынёсла Добрынюшку на сыру землю —  
А да и бросила Добрыню да на сыру землю.  
А розлетелась-де Змея да востролютая  
А да хотела-де Добрынюшку ударити,  
<О>на махнула крыло да своё правое —  
Да на то Добрынюшка успешен был:  
А да схватил-де Змею да за право крыло,  
А да ударил-де Змею да о сыру землю.  
А зговорила Змея да востролютая:

«А уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиц млад!  
А не убивай меня, Добрынюшка, до смерти нонь!»  
А говорыл-де Добрыня да таково слово:  
«А ты скажи мне, Змея да востролютая,  
И да скажи мне, Змея, да всю ведь правду нонь:  
А да где у тя стоит жива вода, мертвая?  
А-й где у тя стоит ковёр самолётные:  
А ишша как же коври да приговаривати?» —  
«А уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиць млад!  
А вон, видишь ты, дом мой белокамянной?  
А как зайдёшь на крылецюшко на правое —  
А да на правой стороны да стоит горенка,  
А да во той же во горёнки ковёр весит,  
Да во той же во горёнки вода жива, мертвая;  
А да садись ты, Добрынюшка, на самолет-ковёр,  
А подними ты угол ноньче всточние:  
„А подымайсе, ковёр, выше лесу темново,  
А выше лесу нонь темного, ниже облака нонь ходечево,  
А опустишь ты, ковёр, куда мне надобно!”»  
А замахнулса Добрынюш[к]а покрепче нонь,  
А ударил-де Змею да во сыру землю —  
Да и столько тут Змея да и пышала нонь.  
Да пошол-де Добрыня да во полаты к ней,  
А да зашол-де Добрынюшка на право крыльцо,  
А да зашол-де Добрыня да во праву горьницу —  
А да увидел тут Добрыня да самолет-ковёр,  
А да увидел тут Добрынюшка воду живу, мертвую.  
А да взял-де Добрынюшка с собой нонь все,  
А выходил-де Добрынюшка на белой нонь свет,  
А становилса Добрынюшка на самолет-ковёр,  
А подымал он угол да ноньче всточные,  
А говорыл-де Добрынюшка таково слово:  
«А уж ты ой еси, ковёр да самолетные!  
А подымайсе выше лесу да ноньче темново,  
А-й выше темново лесу да всё стоячево,  
А-й ниже облака нонече ходечево,  
А-й опустишь ты ведь, ковёр, да ко добру коню!»  
А-й да поднялса ковёр да полетел ведь нонь.  
А-й перенесса Добрынюшка цере<з> синё морё,

А-й да завидял Добрынюшка добра коня,  
А-й да закрычал-де Добрынюшка громким голосом:  
«А-й уж ты ой еси, конь — дак лошадь добрая!  
А-й ты неси-тко скоре мне платье цветноё».  
А-й опустилса ковёр дак на сыру землю,  
А-й на сыру-де землю да ко добру коню.  
А одевалса Добрынюшка в платье цветноё,  
А поежжал-де Добрынюшка во чисто полё.  
А да минулось тому времецьки ноньче восемь лет,  
А да минулось тому времечки весть десеть лет,  
А да минулось тому времечки двенаццать лет,  
А да и выступило на лето да на тринаццато.  
А выходила-де Омельфа да Тимофеевна,  
А выходила Омельфа да на красно крыльцё,  
А да смотрела-де она да во чисто полё —  
А и нету Добрынюшки из чиста поля!  
А да видела Омельфа да во чистом поле:  
А што не пыль-то в поле да роспылаицса,  
А не туман с синя моря да поднимаицсэ —  
А там сильней боґатырь да потешаицсэ,  
А да и путь свое держит да на Светую Русь,  
А да копьё своё клонит да на Резань-город.  
А да приехал тут удалый да добрый молодец —  
А да стары-де казак да Илья Муромец.  
А говорила тут Омельфа да таково слово:  
«А уж ты ой еси, стары казак Илья Муромец!  
А не видал-ле Добрынюшки там Микитица?»  
А отвечал-де стары казак Илья Муромець:  
«А да и видел я Добрынюшку вчерашной день:  
А да лежит твой Добрынюшка на сырой земли,  
А да и ротом у Добрынюшки вода бежит,  
А на глазах у Добрынюшки цветы цветут».  
А да пошла-де Омельфа да во светлу грэдьню  
А к молодой-де Апраксеи-королевисьни,  
А говорила она ей да таково слово:  
«А уж ты ой еси, Апраксия-королевисьня!  
А да приехал тут удалой да доброй молодец —  
Да стары-де казак да Илья Муромец,  
Да принёс нам он весточку нера́дочную,

А да нерадочну весточку, невесёлую:  
А да нету тут Добрынюшки живого нонь,  
А да лёжит-то Добрынюшка на сырой земли,  
Да и ротом у Добрынюшки вода бежит,  
А-й на глазах у Добрынюшки цветы цветут».  
Да уехал тут стары казак да Илья Муромец,  
Да уехал-де казак да в стольне Киев-град.  
А да прошла тут весточка по всем странам,  
А-й да по всем-де странам, по разным городам,  
А да узнал тут Олёшенька Попович млад.  
А да садилсэ Олёшенька на добра коня,  
А да поехал тут Олёшенька в стольне Киев-град  
А ко тому же ко князю да стольне-киевскому:  
«А уж ты ой еси, Владимир, князь стольне-киевской!  
Ах, не изволь меня за слово скоро сказнить,  
И да скоро меня сказнить, да круто вешати!  
А-й не сади меня в погребы глубокие —  
Да позволь мне, Владимир, да слово молвити!»  
А-й говорыл-де Владимир да таково слово:  
«А уж ты ой еси, Олёшенька Попович млад!  
А-й говори-тко, Олёша, да что те надобно,  
А што те надобно, Олёшенька, чево хочицсэ?» —  
«А уж ты ой еси, Владимир, князь стольне-киевской!  
А у нас все ноньче во городе поженены,  
Да все красныя девушки взамуж выданы,  
А да один я, удалой да доброй молодец,  
А да холост я живу да неженат слыву —  
А да позволь мне, Владимёр-князь, женитисе!  
А да и знаю я себе да боґосужону,  
А боґосужону себе, да причесну вдову,  
А да по имени Апраксию-королевисьню;  
А да не стало ноне Добрынюшки в живых ведь нонь».  
А да ставал-де Владимир да на резвы ноги,  
А да кричал Владимир да громким голосом:  
«А уж вы ой еси, слуги да мои верные!  
А да ведите скоре да коня добраго!»  
А да поехал тут Владимёр да во Резань-город  
А да со тем же с Олёшенькой Поповичом.  
А да приехали они да во Резань-город

А да ко той же Омельфы да Тимофеевны,  
И заходили тут они во светлу грэдьню.  
А-й говорыл-де Владимир да таково слово:  
«А уж ты здрастуешь, Омельфа да Тимофеевна!  
А я привёз к тебе весточку весёлую,  
А да весёлую весточку харошую:  
А ты отдай-де Апраксию в замужество  
А за того же за Олёшеньку Поповича!»  
А да ставала тут Омельфа да на резвы ноги,  
А говорила-де Омельфа таково слово:  
«А уж ты ой еси, Владимир, князь стольне-киевской!  
А ты иди-тко, Владимир, да во светлу грэдьню  
А ко самой-де Опраксеи-королевисьни».  
А да пошол-де Владимир да во светлу грэдьню  
А ко самой-де Опраксии-королевисьни:  
«А уж ты здрастуешь, Апраксея-королевисьна!  
А я привёз тебе весточку весёлую,  
А да весёлую весточку хорошую:  
А ты не йдёшь ле, Апраксия, в замужество  
А за того же Олёшеньку за Поповича?»  
А отвечала тут Апраксея таково слово:  
«А уж ты ой еси, Владимёр, князь стольне-киевской!  
А када поежжал тут Добрынюшка во чисто полё,  
Говорыл мне Добрынюшка таково слово:  
«А када здумашь итти да во замужество,  
А не ходи ты за Олёшеньку Поповича!»  
А да Олёшенька Попович ему крестовой брат;  
А дак не йду я за Олёшеньку в замужество!»  
А говорил-де Владимир да таково слово:  
«А уж ты ой еси, Апраксия -королевисьня!  
А ты добром ноне не йдёшь, дак возьмем нёчесью:  
А умывайсе поди да побелёшенько,  
А одевайсе нонь ты да поскорешенько!..»  
А да взяли тут Апраксию ведь за руки,  
А повели-де Апраксию на широкой двор,  
А посадили-де Апраксию на добра коня,  
А повезли-де Апраксию в стольне Киев-град,  
А-й увезли-де Апраксию в стольне Киев-град.  
А-й да севодни у их будет да рукобитыцэ,

А да и завтра-то будет да зарученьцо,  
А запозавтрея будет у их почесьен пир.  
А выходила-де Омельфа да на красно крыльцо,  
А-й да смотрела тут она да во чисто полё —  
А да завидела там удала да добра молоцца:  
А да ездит молодеч да по чисту полю,  
А да и путь он свой держит да во Светую Русь,  
А-й да копьё своё клонит да на Резань-город.  
А да приехал тут удалый да добрый молодец,  
А что по имени Добрынюшка Микитиц млад, —  
А да стречат его маменька родимая.  
А соскочил-де Добрынюш[к]а со добра коня:  
«А уж ты здрастуешь, маменька родимая!  
А да што ноне у вас да не по-стараму,  
А не по-старому у вас да не по-прежнему?  
А да где же моя да молода жена,  
А да где же она — да не стречат меня?..»  
А говорила тут Омельфа да Тимофеевна,  
А говорила-де она да таково слово:  
«А да пойдём-ко, Добрынюшка, в светлу грэдьню;  
А роскажу тебе, Добрынюшка, подробно всё».  
А да зашли тут они да во светлу грэдьню,  
А-й говорила-де Омельфа да таково слово:  
«А-й уж ты ой еси, моё да ча ... чадо милоё!  
А-й да приехал тут удалый да добрый молодец —  
А да стары-де казак да Илья Муромец,  
А да приехал тут казак да из чиста поля —  
А да розвёз ту весточку нерадочну,  
А да нерадочную весточку, невесёлую —  
А что и будто бы Добрынюшки живого нет:  
А-й да и видял он тибя да на сырой земли,  
А что и ротом у тибя да тут вода текла,  
А-й на глазах у Добрынюш[к]и цветы цвели...  
А-й да узнал тут Олёшенька Поповиц млад;  
А-й да приехали з Владимиром, князём стольне-киевским,  
А-й увезли-де Опраксию в стольне Киев-град —  
А за того же Олёшеньку в замужество.  
А што и третьего дня было рукобитьцо,  
Да вчерашной-от день — дак богомольцо,

А-й да севоднешной день — дак у их свадебка!..»  
А-й заходил-де Добрынюшка по светлой грэдьни;  
А замахали у Добрынюшки руки белые,  
А засвистали у его дак очи ясные;  
А-й говорыл-де Добрыня да таково слово:  
«А уж ты ой еси, маменька родимая!  
А да поди-тко скоре да в мой крепкой чулан,  
А да неси ты ведь мне платье калицкоё,  
А да неси скоре да звончеты гусли —  
А да поеду я к Олешеньки на свадебку». —  
«А уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиц млад!  
А да Владимир-от да стоит у его тысицким,  
А да стары-де казак — дак бóльшей дружкою,  
А все боғатыре сильные — подносчики:  
А не бывать тебе, Добрынюшку, живому назад». —  
А говорыл-де Добрыня да во второй након:  
«А ты неси мне скоре платье калицкоё,  
А-й ты неси мне скоре да звоньчеты гусли». —  
А да принесла ему маменька платье калицкоё,  
А принесла-де ишше да звоньчеты гусли.  
Да оделсэ Добрыня да в платье калицкоё,  
И да взял он с собой да звоньчеты гусли,  
А-й побежал-де скоре да на широкой двор,  
А-й да садилсэ поскоре да на добра коня —  
А-й поскакал-де Добрынюшка в стольне Киев-град.  
А-й не путём он нонь ехал, да не дорогою —  
А-й да скакал он за заставы городовые,  
А да скакал он за башны да карабельные,  
А да приехал тут Добрынюшка в стольне Киев-град,  
А да спустил-де коня да во чисто полё.  
А да пошол-де Добрыня да на широкой двор —  
А у ворот-то стоят слуги-приворотницьки,  
А не пускают калику да на широкой двор.  
А вынимал-де калика да золоту грыдьню,  
А подавал-де строгим ныньче прыворотничкам —  
А пропустили тут калику да на широкой двор.  
А да зашол-де калика да на белы сени —  
А у дверей-то стоят строги придвернички,  
А-й не пропустят калику да во светлу грэдьню.

А-й вынимал-де калика да золоту грэдню,  
А-й да давал-де строгим нынче прыдверьничкам —  
А запустили калику да в светлу грэдню.  
А-й да зашол-де калика да в светлу грэдню —  
А да крест-от кладёт да по-писаному,  
А-й да поклон-от ведёт да по-ученому,  
А-й на все стороны четыре да поклоняицсэ:  
«А уж ты здрастуешь, Владимир, князь стольне-киевской,  
Да стары-де казак да Илья Муромец,  
А да Олёшенька Поповиц да с молодой женой!»  
А говорил-де Владимир да князь стольне-киевской:  
«А проходи-ко, калика да перехожая,  
А перехожая калика да переброжая!  
А уж вы ой еси, стольнички-подносчички!  
А-й наливайте вы чару да зелена вина,  
А-й да не малую, не велику — да полтора ведра,  
А-й подавайте калики да перехожей!»  
А-й да на то были подносчички не ослушливы:  
А-й наливали тут чару да зелена вина,  
А-й да не малу, не велику — да полтора ведра,  
А-й подавали тут калики да перехожей.  
А-й принимал-де калика да единой рукой,  
А-й выпивал-де калика да к едину духу:  
«А-й благодарствуйте, Владимир, князь стольне-киевской,  
А-й да стары-де казак да Илье Муромец,  
А-й да Олёшенька Поповиц да с молодой женой!»  
А-й говорыл-де калика да таково слово:  
«А-й уж ты ой еси, Владимир, князь стольне-киевской!  
А-й да позволь мне сыграть да в звоньчеты гусли».  
А отвечал Владимир, князь стольне-киевской:  
«А да играй-ко, калика, да што те надобно,  
А-й што те надобно, калика, да чиво хочыцсэ».  
А-й заиграл-де калика да в звоньчеты гусли —  
А да Владимир-от князь да призадумалсэ,  
А да стары-де казак да призагорюнилсэ,  
А да Олёшенька Попович да прирозсмехнулсэ,  
А да кнегиня Апраксия запечалилась.  
А-й говорил-де Владимир да таково слово:  
«А-й да негде я игроков таких не слыхивал

А-й после молода Добрынюшки Микитича!  
А-й уж вы ой еси, стольнички-подносчички!  
А-й наливайте вы чару да во второй након,  
А-й подавайте калики да перехожоей!»  
А принимал-де калика да единой рукой,  
А-й выпивал-де калика да к едину духу.  
А-й заиграл-де калика да во втору игру —  
А да Владимир-от князь да прироздумалсэ,  
А да стары-де казак да запечалилсэ,  
А да Олешенька Попович загорюнилсэ,  
А да Опраксея-королевисьня здогадаласе.  
А-й говорыл-де Владимир да таково слово:  
«А уж вы ой еси, стольнички-подносчички!  
А-й наливайте вы чару да во третьей након,  
А-й подавайте калики да перехожоей!»  
А да на то были подносчички не ослушливы:  
А-й наливали тут чару да зелена вина,  
А-й подавали тут калики да перехожоей.  
А-й принимал-де калика да единой рукой,  
А-й говорыл-де калика да таково слово:  
«А уж ты здрастуешь, Владимир, князь стольне-киевской,  
А-й да стары-де казак да Илья Муромец,  
А-й да Олешенька Поповиц да с молодой женой!  
А-й уж перву пил я чару нонь для здоровьица,  
А-й да втору чару пил да для похмельица,  
А-й да и третью чару выпьем — да для безумьица!»  
А-й да выпил он чару да на единой дух,  
А заиграл-де калика да в звоньчаты гусли —  
А-й да Владимир-от князь приросмехнулса,  
А да стары-де казак да потупя глаза,  
А-й да Олешенька Попович вовсё запечалилса,  
А-й да Апраксея-кнегиня да з[до]годаласе,  
А-й из-за дубова стола да выдвигаласе,  
А-й и к печки-муравлёнки приближаласе,  
А-й да брала-де калику да за белы руки,  
Цэлвала-де калику в уста сахарные,  
А-й говорила-де она да таково слово:  
«А-й ты здрастуешь, Добрынюшка Микитиц млад!»  
А-й говорыл-де Добрыня да таково слово:

«А уж ты здрастуешь, Апраксея-королевисьня!»  
А дак брал тут же Добрыня да за белы руки,  
А-й да повёл-де Добрынюшка из светлой грядьни,  
А-й говорыл-де Добрынюшка таково слово:  
«А-й ты здрастуешь, Олёшенька Попович млад!  
А-й ты здорово, друг, женилсэ, — да тебе не с кем спать!»  
А-й выводил-де Добрыня да на широкой двор.  
А-й да хватал-де Олёша да саблю вострую  
А-й да бежать тут хотел да назади всугон —  
А-й не спустил его старый казак Илья Муромец.  
А да урвалса Олёшенька потихохонько,  
А да нагнал-де Добрыню у крутой горы,  
А-й замахнулсэ на Добрыню да саблей вострою —  
А-й да на то был Добрынюш[к]а ухватчивой:  
А-й отмахнул у его сабельку налево нонь,  
А-й да схватил-де Олёшу да за русы власы,  
А-й да бросил-де Олёшу да на круты горы.  
А-й да пошол-де Добрынюшка во чисто полё,  
А-й да и кликнул Добрыня да коня доброго —  
А-й прибежал тут к Добры[н]юшки конь — лошадь добрая,  
Да поехали они да во Резань-город  
А-й ко своей они маменьки родимой.

*(Зап. А. Д. Григорьевым 18 июля 1901 г.: д. Тёмшелье — от Рюмина Фёдора Петровича, ок. 60 лет.)*

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899-1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.